

некоторой переориентации его экономики, поиску альтернативных путей развития, и адаптации к изменяющимся условиям. И надо отметить, что данный авторский тезис убедительно обоснован. Аргументация исследователя в этом вопросе базируется как на анализе богатого нумизматического материала, так и на изучении инфраструктуры города (например, рыбозасолочных цистерн).

Одостоинства работы профессора А. И. Романчук можно говорить и дальше, и, казалось бы, невозможно найти места для критических суждений. Тем не менее, хочется отметить, что если и есть эти замечания, то они никоим образом не затрагивают содержательную часть работы. К замечаниям можно отнести претензии по оформлению монографии, включающие в себя незначительные полиграфические погрешности, а также имеющиеся опечатки. Конечно, любое другое печатное издание не избавлено от таких изъянов. Поскольку монография является еще и учебным пособием, то хорошим дополнением к тексту послужил бы глоссарий наиболее интересных и важных исторических и археологических терминов, а также были бы полезны указатели персоналий и топонимов, т.к. исследование изобилует массой фамилий ученых и исторических деятелей. Некоторое недоразумение вызывает отсутствие списка использованных источников и литературы. Конечно, несмотря на указанные замечания, скажем, что работа профессора А. И. Романчук действительно является значительным вкладом в исследование византийской урбанистики. Остается лишь пожелать автору монографии успешного продолжения исследований в этой области, а также новых открытий и гипотез.

М.С. Деминцев

Историческая география в начале XXI в.

1. *Modern Historical Geographies* / Ed. by B. Graham & C. Nash. – Harlow: Pearson Education Limited, 2000. – 280 p.

2. *Où en est la géographie historique ? entre économie et culture* / Dir. Ph. Boulanger, J.-R. Trochet. – Paris: L'Harmattan, 2005. – 346 p.

3. Историческая география: теория и практика. Сборник научных статей по материалам II Международной конференции Санкт-Петербург, 15-18 апреля 2002 г. – Санкт-Петербург: РГГМУ, 2004. – 133 с.

4. Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. I. / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – Москва: Институт российской истории, 2007. – 402 с.

Репутация исторической географии как «науки с весьма неопределенным содержанием» принадлежит к разряду своеобразных историографических констант. Вышеприведенные слова В.К. Яценского, использованные в 1950 г., для характеристики «современного состояния буржуазной историографии» вопроса, и, в сущности, представляющие собой прямую цитату из книги С.К. Кузнецова 1910 г., как мы увидим далее, и по сей день продолжают оставаться актуальными для целого ряда авторов. Интереснейшую проблему представляет собой сама история этого смутного статуса, предопределенная жанровым своеобразием античной традиции: представленное в трактатах Птолемея деление географического знания на географию и хорографию через посредство ориентированной на классические образцы гуманистической науки оказало влияние на складывание курсов соответствующих дисциплин в университетах модерна, и, в конечном счете, на генезис известных нам «научных» истории и географии. Ориентация университетских курикулумов на воспроизведение гуманистической модели «древней географии» (*geographia vetus*), в соответствии с которой античный идеал хорографии (т.е. описательного страноведения) осмыслялся как составная часть курса истории, как кажется, определила (или до поры определяла) развитие историко-географического направления в англо-саксонской и французской историографиях. И, наоборот, в ситуации ранней специализации, раннего разделения географии (как естественно-научной дисциплины) и истории

(как дисциплины гуманитарной) – кроются истоки кризиса идентичности, свойственного для российской (советской) исторической географии.

Своеобразной иллюстрацией к этому утверждению может служить предварительный обзор коллективных трудов по исторической географии, изданных в течение последнего десятилетия: помимо массива исследований, посвященных конкретным историческим или географическим сюжетам, такие сборники включают в себя работы по теории и методологии дисциплины, по-видимому, отражающие консенсус, достигнутый данной академической группой по вопросу о том, что же такое историческая география в начале XXI в.

1. Первый сборник, изданный под редакцией географов Б. Грэхэма (Ольстерский университет) и К. Нэш (Лондонский университет), отражает современное состояние англо-саксонской системы исторической географии, которая представляет собой географическую дисциплину, ориентированную на изучение исторического измерения культурной, экономической и политической географии. Во введении (с.1) поясняется двойной смысл выражения «modern historical geographies», которым описывается характерная взаимосвязь методологических подходов, актуальных для историко-географической науки начала XXI в. и конкретных тем, эти методологии порождающих. Первостепенная ориентация на исследования географического пространства в его современном виде, лежащая в основе географии, порождает настойчивую «актуальность» работ, (как тематическую, так и методологическую) и современной «географической» исторической географии.

Структурирующими для сборника являются три важнейших тематических кластера: (1) «Взаимосвязанные исторические географии» (Interconnected historical geographies) – темы, определяющиеся традицией синтеза микро- и макро подходов в историко-географических исследованиях, при которой, например, сети коммуникаций, транспорта и торговли, существовавшие в Европе и ее колониальной периферии эпохи модерна, и конкретные места, включавшиеся в эти единства, исследуются в связи с идеями национального государства и империализма; (2) «Разделенные исторические географии» (Differential historical geographies) – описание специфических процессов, связанных с модернизацией разнообразных социальных групп и местностей, которая осуществлялась

через создание иерархических социальных отношений, актуализировавших гендерные, расовые и классовые различия; (3) «Политика прошлого в настоящем» (The politics of the past in the present) – темы, связанные с процессами идентификации и критики идеологических конструкторов модерна, увязанных с географией (национализм, колониализм), которые оказывают влияние на современное понимание социальных отношений или культурную идентичность тех или иных обществ.

По словам Б. Грэхэма и К. Нэш, современная историческая география, в самом начале своего развития тесно связанная с практикой реконструкции физических ландшафтов прошлого, затем, вместе со всей остальной географией, много занимавшаяся процессами индустриализации, сельского хозяйства, миграциями и моделями расселения, транспортными сетями, урбанизацией и землевладением, ныне, на своем новом этапе обращается прежде всего к материальным, политическим и символическим аспектам путешествий и географических открытий, истории идей империализма и колониализма, нации и государства, природной среды и ее изменений... Историко-географы проявляют особый интерес к истории познания, практикам и формам репрезентации того или иного места, разным формам географического знания – от картографии до классификаций ландшафтов, животных и человечества.

В числе глав сборника, посвященных воплощению данных методологических принципов в конкретных исследованиях, такие как «Исторические географии глобализации с 1500 по 1800 гг.», «Исторические географии империализма», «Исторические географии географии и империи», «Исторические географии колонизированного мира», «Исторические географии ландшафта», «Исторические географии урбанизма» и т.п.

2. Англосаксонская наука оказалась способна создать институты, в которых диалог по поводу исторической географии носит глобальный, интернациональный характер. В других ученых сообществах, однако, может осознаваться недостаток контактов и определенная стагнация историко-географического дискурса. Сборник, выпущенный в 2005 г. в Париже по итогам международной историко-географической конференции в Сорбонне, открывался словами его редакторов Ж.-Р. Троше и Ф. Буланже, констатирующими, с одной

стороны, недостаток общего представления об этой дисциплине, существующий у большинства французских ученых, с другой – интерес, возникший к соответствующей проблематике в последние годы (что совпало с возобновлением деятельности Комиссии по Исторической Географии (Commission de Géographie Historique) при Национальном Французском Географическом Комитете (CNFG, Comité National Français de Géographie).

Историческая география во Франции, таким образом, также осознается как наука географического цикла, обладающая, по утверждению авторов теоретической части сборника, дисциплинарным единством, и общими эпистемологическими основаниями; авторы практической части чаще всего исходят из того, что сам конкретный объект исследования определяет его историко-географический метод. Статьи, посвященные теории и методологии исторической географии составляют первую часть сборника, которая называется «Переосмысляя место и время» (Réexplorer les lieux et les temps). Особо интересен, на наш взгляд, раздел, посвященный характеристике исторической специфики французской историко-географической традиции в сравнении с англо-саксонской и германской моделями. Вторая часть посвящена отдельным аспектам применения исторического подхода в современной пост-индустриальной французской «географии человека» (géographie humaine), третья – нынешнему состоянию проблем, на которых с конца XIX в. оттачивался своеобразный историко-географический подход французской школы географии (имеются в виду исследования аграрных ландшафтов, или, точнее «пейзажей» (paysages rural) и цивилизаций).

В рецензии на коллективную монографию Х. Клаут (H. Clout), британский специалист, известный своими работами по истории французской исторической географии, выражал надежду, что «несомненно, живая и здоровая», французская историческая география окажется достаточно сильна, чтобы преодолеть скептицизм тех, кто полагает, что историческая география – прерогатива одних историков или частный метод географии¹.

3. В современной России, как и во Франции, инициаторами перемен в области исторической

географии выступают в первую очередь географы. В 1996 г. при Институте географии РАН был создан Семинар по Исторической Географии РАН, предполагающий своей основной целью «способствовать формированию исторической географии как самостоятельного междисциплинарного научного направления на стыке собственно географических и исторических исследований, обеспечивая единство, синтез географии и истории»². Результатом деятельности семинара на данный момент является издание трех номеров «Вестника Исторической географии»³. Положение отечественной школы было представлено авторами «Вестника» в весьма пессимистических тонах: «в дореволюционный период в отечественной исторической географии существовала научная школа, пользовавшаяся огромным авторитетом в мировом масштабе... К сожалению, в советский период эти традиции были утрачены, а само данное междисциплинарное направление оказалось на «периферии» научных интересов и географов, и историков. Преобладающим стал взгляд на историческую географию как на «узкую» предметную дисциплину – со стороны как историков, так и географов»⁴.

К числу работ этой академической группы – российской «географической» исторической географии относится также сборник по материалам конференции, прошедшей в Санкт-Петербурге 15-18 апреля 2002 г., посвященной памяти географа В.С. Жекулина. Статьи первой части сборника отражают повышенное внимание географической науки к методологическим вопросам: сюда относятся статьи Л.Б. Вампиловой о практическом значении регионального историко-географического анализа, Д.Н. Замятина о моделировании историко-географических образов, А.Г. Манакова о вопросах методики историко-культурного районирования, Е. Ю. Колбовского о проблемах культурного ландшафта, Н.В. Пиотух о картографическом методе в исторических исследованиях.

В качестве организующего для большинства работ сборника приведем определение

¹ Clout H. (rev.) Où en est la géographie historique? / Ed. by Philippe Boulanger and Jean-Rene Trochet. Paris: L'Harmattan, 2005 // Journal of Historical Geography. 2006. Vol. 32. P. 223-224.

² Замятин Д.Н. Хроника семинаров по исторической географии в ИГ РАН // Вестник исторической географии. Вып. 1. Смоленск, 1999. С. 159.

³ Вестник Исторической Географии. Вып. 1. Смоленск, 1999. 162 с.; Вестник Исторической Географии. Вып. 2. Москва-Смоленск, 2001. 172 с.; Вестник Исторической Географии. Вып. 3. Москва, 2006. 334 с.

⁴ Стрелецкий В.Н. На стыке наук: историческая география в ее отношении к истории и географии // Вестник исторической географии. Вып. 1. Смоленск, 1999. С. 4.

исторической географии, данное Л.Б. Вампиловой (с. 5): «Историческая география изучает процессы и этапы формирования существующих ныне природно-общественных систем в пределах ойкумены в ходе их исторического развития. Основные задачи науки сводятся к критерию «одновременности» - параллельно изучается изменение природных компонентов, ландшафтов, природопользования, населения, этносов, экономики и т.д. Производится реконструкция стадий исторического процесса освоения и заселения различных территорий, а также анализ влияния этих стадий на формирование и функционирование систем в настоящее время». Данная концепция вполне отвечает сути исторической географии в понимании британской школы; другое представленное в теоретической части сборника пересечение с западной «гуманистической традицией» исторической географии, а еще точнее, геонисторией во французском духе – концепция историко-географических образов Д.Н. Замятина (с. 13).

4. Характерное для отечественной исторической географии деление на историческую географию историков и историческую географию географов воплощается в логике ГРНТИ, который выделяет две исторических географии. Первая (03.81.33), наряду с палеографией, нумизматикой и другими частными науками входит в систему наук «Вспомогательные исторические дисциплины» области «История», вторая (39.15.) – сама образует отдельную систему, сопоставимую с системами теоретической, физической, экономической географий. Поэтому программы по исторической географии, предназначенные для подготовки студентов-историков, трактуют предмет как вспомогательную дисциплину. В лучшем случае такое прочтение предмета выливается в представление об исторической географии как профессиональной источниковедческой практике, связанной с конкретной локальной историей, в худшем – как о готовом необходимом наборе географических сведений из прошлого той или иной территории, исторической топонимике.

Такой подход не препятствует появлению качественных частных исследований, но не позволяет связать их с тем, что понимают под исторической географией географы. Имеются в виду, в том числе, западные *historical geographers*, привыкшие воспринимать отдельное исследование не только в его связи с определенной исторической проблематикой, хронологическими и географическими рамками, но также и с

методологией. «Сущность кризисной ситуации, сложившейся в отечественной исторической географии, выразилась... в существенном отрыве друг от друга развивающихся реальных исследований и отстающих методологических представлений»⁵. Программы по исторической географии, подготовленные географами и для географов, в отличие от исторических, уделяют существенно больше места формированию методологической эрудиции студентов.

Примером плачевных последствий, к которым приводит такое положение дел является первый сборник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН, открывающий публикацию серии «Проблемы исторической географии и демографии России», в которой предполагается освещать различные историко-географические и демографические аспекты развития нашей страны. Непрофессиональная теоретическая часть, см. статьи К.А. Аверьянова и Э.Г. Истоминой (которые ни словом не упоминают о достижениях западной традиции, не знают о существовании собственных коллег из Института Географии и числят последним заслуживающим внимания классиком инвайронменталиста Л.Н. Гумилева) словно бы предопределяет методологическую автаркию и тематическую несвязанность всех остальных публикаций сборника.

Ф.С. Корандей

⁵ Муравьев В.А. Пространство, время, история человека и общества: Историческая география в системе исторических наук // Вестник гуманитарной науки. Москва: РГГУ, 1997. Вып. 2. С. 100-111.